

ИНФОРМАЦИОННО-КОГНИТИВНОЕ СИЛОВОЕ «ФОРМАТИРОВАНИЕ» ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ СУБЪЕКТОВ ВОЕННО – ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»

А.И. Подберёзкин

Аннотация. Анализ и прогноз развития возможных средств силовой политики в «переходный период» до 2024 года имеет самое большое значение не только для планов военного строительства и будущего гособорон-заказа (и, соответственно, военных расходов страны), но и для возможных сознательных изменений в военном искусстве. Прежде всего, речь идёт о стратегии государств, которые непосредственно зависят от средств ведения как вооружённой, так и невооружённой, силовой политической борьбы. Это принципиальное положение политической и военной науки хорошо известно уже давно [Шапошников, 2016].

Также очевидно, что не только в настоящее время наблюдаются радикальные изменения в приоритетах применения тех или иных силовых средств, то есть в выборе наиболее предпочтительных (наименее рискованных, более эффективных и менее дорогостоящих) силовых средств политики из всего существующего и постоянно пополняемого огромного набора таких средств. Но эта специфика наблюдалась и прежде, например, с появлением ядерного оружия и средств его доставки, когда стратегические задачи стало возможно решать непосредственно, без последовательного достижения тактических результатов¹.

Более того, выбор наиболее эффективных невоенных средств в эпоху ядерного оружия ставился многократно и вполне естественно в СССР и на Западе весь прошлый век. Причём, подчеркну, не только – и может быть, даже не столько, – средств вооружённой борьбы (ВВСТ), сколько именно силовых средств политического воздействия вообще – экономических, информационных, политико-дипломатических и иных².

Но именно в современный «переходный период» (2014–2025 гг.) эти процессы приобрели не только ускоренную динамику, но и откровенно дестабилизирующий характер, игнорирующий как прежние договорённости о соблюдении норм международной безопасности и поддержанию стратегической стабильности, так и простые традиционные нормы международного права и политического общения.

Ключевые слова: правящие элиты ВПО, тактика, стратегия, силовые средства политики, дестабилизация МО, традиционные нормы политического общения, «переходный период».

---

¹ Этому вопросу также было уделено много внимания в советское время, в том числе и автором.

² Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России: сб. докладов. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 169 с.

Собственно говоря, перечисленные выше некоторые критерии эффективности выбора того или иного инструмента насилия уже изначально предполагают отсутствие в выборе средств политики силы абсолютной универсальности для тех или иных силовых средств. А это не может не ставить перед исследователями сложнейшую задачу обоснования политической и военной эффективности средств насилия³. Среди таких силовых средств, на первый взгляд, нет «абсолютного» оружия, или таких видов и систем вооружений и силового принуждения, которые использовались бы при любых условиях против любых субъектов ВПО. И, что очень важно, соответствовали бы всем основным критериям эффективности его применения.

Это объясняется тем, что по отношению к тому или иному субъекту мирового сообщества в различные периоды времени должен существовать выбор достаточно конкретных силовых инструментов, который, как правило, каждый раз тщательно анализируется именно с точки зрения его эффективности и минимизации политических и военных рисков и экономических издержек. Это – не только принцип эффективной политики, но и норма международных отношений, которая должна учитываться как в анализе, так и прогнозе развития военно-политической обстановки (ВПО)⁴. Странно, например, если бы в ответ на высылку дипломатов начиналась массированная бомбардировка с использованием ВТО оппонента. Даже не спровоцированный обстрел сирийской авиабазы со стороны США крылатыми ракетами был ограничен по времени и масштабам, а, главное, по формально декларируемым задачам.

Таким образом, неизбежно востребуются дифференциация в выборе силовых средств как по их эффективности, так и относительному соответствию этих средств существующим международным нормам и реалиям. Прежде всего, по заявленным и реальным политическим целям⁵. Так, в отношении своих союзников по военно-политической коалиции США могут использовать преимущественно политико-дипломатические, медийные или специальные средства силового принуждения (и чем больше, например, их возможность контролировать личную жизнь и коммуникации политических лидеров), тем легче манипулировать их поведением.

По отношению к новым центрам силы – Китаю, Индии, Бразилии, России и другим – используется уже более широкий набор силовых инструментов – от «мягкой силы» и торгово-экономических санкций до политико-дипломатического давления и даже шантажа. Последние имеют исключительно важное значение с точки зрения применения военного насилия [Долгосрочное прогнозирование..., 2017:97-101]. Они представляют собой разновидности политико-психологических форм военной силы, которые могут использоваться как в открытом, эксплицитном виде («шантаж»), так и скрытом имплицитном виде («создания позиции силы»).

Причём, как неоднократно доказывалось, обе эти формы политико-психологического использования военной силы, как правило, оказывались намного эффективнее прямого применения вооруженного насилия как с политической и военной, так и экономической точек зрения. Поэтому в последние десятилетия к прямому военному наси-

³ Эта задача была предметом изучения в течение нескольких лет в НИИ № 46 Минобороны, авторы которого в итоге опубликовали соответствующее исследование: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. – М.: Издательский дом «Граница». – 512 с.

⁴ Подберёзкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 99–101.

⁵ Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета, 2018. – № 6 (63). – С. 143–147.

лию США прибегают в том случае, когда другие средства оказываются неэффективными или исчерпаны, то есть фактически в крайнем случае. Последствия и издержки войн в Корее, Вьетнаме, в Афганистане и Ираке, безусловно, учитываются в Вашингтоне, хотя отнюдь не означают отказа от прямого вооружённого насилия.

В то же время надо отчётливо понимать, что без уверенности в возможности эффективного применения военной силы (то есть без подготовленных и реально существующих ВВСТ и ВС, а также соответствующего планирования) и политической воли к её применению, политико-психологические формы её использования не выглядят убедительными, а, значит, и бессмысленными. Это означает, что чем реалистичнее военная мощь, чем очевиднее готовность правящей элиты к её применению, тем более эффективнее применение невоенных средств принуждения, включая и «мягкой силы».

И, наоборот, чем сильнее и эффективнее оборона, например, ПРО-ПВО, тем наименее эффективны не только военная политика оппонента, но и силовая политика вообще. В этом смысле, например, эффективная система ПВО не только России, но и любого государства или коалиции. как доказала судьба Югославии, Ирака, Ливии и других стран, равнозначна понятию «суверенитет»⁶. Иными словами, чем реалистичнее угроза войны, тем эффективнее представляется политика, что, безусловно, резко увеличивает риски возникновения военных конфликтов и войн [Missile Defense Review, 2019:8-14].

Подобная современная военно-политическая реальность особенно опасна, когда речь идёт о политике силового принуждения в отношении потенциальных противников, которым (в соответствии с этой логикой) необходи-

мо наглядно, а порой и демонстративно, показать как военно-технические возможности, так и способности, и политическую решимость их использования. По сути дела, этот подход превращается в провокацию даже в тех случаях, когда стороны хотят избежать военного столкновения. Так, нередко звучащие угрозы со стороны членов западной военно-политической коалиции о готовности использовать ядерное оружие неизбежно ставят Россию перед проблемой своевременного нанесения ответного удара. В особенности в условиях развития ПРО США. Более того, их планы, действия и намерения неизбежно рассматриваются под углом зрения развития «наихудшего сценария», то есть предположения об использовании ЯО или массированного применения ВТО первыми [Summary of the 2018: 3-11]. Тем более, когда у США создана и стремительно совершенствуется в «переходный период» военно-техническая возможность для таких действий, в чём убеждают финансовые планы на 2019–2021 гг.

В этой связи возникает традиционный вопрос о стратегической стабильности, который активно обсуждается с 80-х годов не только экспертами, но и на политическом уровне. Считается, что все стороны заинтересованы в укреплении стратегической стабильности. Это относится, прежде всего, к России и США, которые опасаются рисков ядерной войны. Но на практике политика США в последние два десятилетия направлена именно на разрушение стратегической стабильности, внесения неопределённости в действия и намерения с тем, чтобы максимально увеличить воздействие военно-силовой политики.

Это стало особенно очевидным после отказа США в 2002 г. от Договора по ПРО⁷, ратификации ДОВСЕ, а также ускоренному развитию ВТО и других ударных вооружений и заявленному на лето

⁶ Подберёзкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 155–187.

⁷ Ненартович Н.Э., Горевич Б.Н. Система противоракетной обороны США. Анализ и моделирование. – М.: ПАО «НПО «Алмаз», 2018. – С. 16–28.

2019 г. выходу из ДРСМД. Таким образом, получается, что реальная политика США направлена не на укрепление, а на разрушение стратегической стабильности и предсказуемости в области использования ЯО. Это заставляет по-новому оценить перспективы развития ВПО и стратегий различных стран, но, прежде всего, США и возглавляемой ими коалиции.

Если говорить о современной стратегии США, то неизбежно приходишь к принципиальному выводу о том, что в последние десятилетия, но особенно в «переходный период» произошло изменение политических целей войны (в XXI в. это привело к тому, что процесс формирования ВПО происходит с помощью самого широкого спектра средств – от ядерных до «мягкой силы»), среди которых исключительно важное значение приобрели электронные СМИ и интернет-ресурсы, в особенности социальные сети. И если прежние цели во многом определялись сохранением стратегической стабильности и недопущением военной эскалации, то в «переходный период» всё происходит наоборот – результатом оказываются внутривнутриполитическая и внешняя дестабилизация, подчинение правящих элит ВПО, что предопределяет необходимость применения самых разных средств и способов ведения войны.

Комплексность использования «жесткой силы» и «мягкой силы» – обязательный принцип силовой политики США и их союзников, получившей название политики «силового принуждения». Об этом нельзя забывать, в частности, потому, что эффективное использование информационно-когнитивных средств и экономических санкций возможно только в том случае, если они обеспечены эффективной поддержкой самого широкого спектра возможных средств вооружённого насилия – от ядерных, стратегических, до электронных [Summary of the 2018:3-11].

Этим также вызывается и настойчивое стремление США максимально по-

высить боевую эффективность всего спектра ядерного оружия, предполагающее создание новых и развитие существующих тактических, оперативных и стратегических ядерных сил. При этом использование ядерного оружия США первыми считается нормой в политическом и военном стратегическом планировании страны⁸.

В Комитете начальников штабов ВС США считается, например, что из-за потенциальной угрозы удара со стороны США соперникам тяжелее принимать решения. Иными словами, инициатива в применении ответных мер со стороны обороняющейся стороны должна быть максимально ограничена. Именно так считает глава Объединённого комитета начальников штабов Джозеф Данфорд. При этом другие силовые средства ни в коем случае не исключают применение ядерного оружия. В частности, на специальном заседании комиссии сената в марте 2019 года он подчеркнул, что кибероружие, по его мнению, «не сможет заменить ядерную триаду». Смысл такого отношения к возможности применения ядерного оружия, по его мнению, заключается в следующем:

«Мне кажется, что наша текущая политика (в области обороны, которая допускает такое право, – РБК) осложняет противнику процесс принятия решения. Я бы не рекомендовал принимать решение, которое облегчит ему этот процесс», – заявил Данфорд. «Я также могу вообразить несколько ситуаций в будущем, при которых мы не захотим, чтобы у президента не было такой возможности» – сказал он, добавив, что подробности он готов изложить только на закрытом заседании.

Следующий вопрос касался того, согласен ли Данфорд с мнением, что сейчас у США достаточно неядерных способов сдерживания противников, в частности, в области киберпространства. Ответ председателя КНШ был вполне определён:

⁸ Гатинский А. В Пентагоне выступили против отказа от права нанести ядерный удар первыми // Эл. ресурс: «РБК» https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8ac2b59a7947296ee1b046utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

«Сенатор, я не считаю, что возможности в киберпространстве могут подменить ядерный потенциал, ... нам надо сохранять безопасный, но эффективный потенциал ядерного сдерживания»⁹.

Таким образом силовая политика принуждения Соединенных Штатов предполагает применение следующей формулы: *использование всех силовых инструментов политики принуждения США должно быть обеспечено реальной возможностью эффективного применения всего спектра военной силы, включая ядерное.*

Наконец, резкое изменение состояния ВПО в мире, по оценке руководства США, привело к качественному росту числа возможных противников в мире. Если к концу прошлого века в США военная политика формировалась, исходя из возможности военного конфликта только с 2 противниками – Россией и Китаем, то во втором десятилетии США рассматривают в качестве потенциальных противников уже до 50 субъектов ВПО¹⁰. О реальности такой перспективы в своё время предупреждал С. Хантингтон, который писал: «Глобальная политическая география, таким образом, изменилась: вместо одного мира в 1920 г. на карте появилось три мира в 1960-м и с полдюжины миров в 1990-х годах¹¹».

Формально-политическое признание этого факта Государственным департаментом США означало, что по отношению к этим государствам должна проводиться не универсальная, а дифференцированная силовая (и военно-силовая) политика. «Как минимум 50 стран в современном мире способны нанести урон США», заявила по этому поводу директор отдела политического планирования Госдепартамента Кирон Скиннер. Выступая в марте 2019 г. в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, Скиннер

отметила стремительное изменение мировой политики в вопросе безопасности. Она также подчеркнула, что сейчас урон США могут нанести не только ядерные державы, но и другие страны путем «кибервойны, экономической войны или информационного противостояния». Причем одним из «главных испытаний» для Вашингтона, по её мнению, стали развивающиеся страны.

Эти изменения в ВПО неизбежно требуют пересмотра стратегии и набора силовых инструментов в отношении возможных противников из числа «новых» государств, обладающих возможностями к сопротивлению военно-силовому давлению, имея в виду КНДР, Иран и целый ряд других государств. В этой связи неизбежен вывод о том, что в связи с рядом принципиальных изменений в МО и ВПО США и их союзники стоят перед необходимостью корректировки в использовании политики силы как в её «мягкой», так и в самых «жестких» формах. Это добавляет специфики в особенности «переходного периода» во внешней и военной политике США, важнейшей из которых становится *смена главной цели силового воздействия* [Summary of the 2018:3-11].

На этом очень важном обстоятельстве необходимо остановиться подробнее. В прежние периоды человеческой истории такими наиболее приоритетными целями войны и силовой политики вообще являлись:

- ограбление, контрибуции, захват рабов;
- захват территории, оккупация с целью получения дополнительной выгоды;
- изменение политики, религии, отношений с союзниками и т.п.;
- наконец, разгром ВС и всего государства.

В настоящее время контроль над государствами и их подчинение может

⁹ Гатинский А. В Пентагоне выступили против отказа от права нанести ядерный удар первыми // Эл. ресурс: «РБК» / https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8ac2b59a7947296ee1b046utm_source=uxnews&utm_medium=desktop

¹⁰ См. подробнее: Эл. ресурс: «Известия». 2019.15.03.

¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2016, с.69.

быть более эффективно и безопаснее осуществлён не с помощью открытых военных действий, а с помощью подконтрольной элиты. Военные действия не исключаются, более того, предполагаются. На начальной стадии к ним стараются не прибегать, а только угрожают их применением [Публичная дипломатия, 2017: 21-36], в то время как главной целью является силовое принуждение правящих элит к той политике и системам ценностей, тем нормам, которые наиболее выгодны нападающей стороне. В этой связи можно констатировать, что в современную эпоху оккупация, военные действия становятся всё более рискованными и невыгодными экономически, политически опасными, а их последствия – практически непредсказуемыми¹².

Ярким примером такой политики выступает политика США по отношению к Венесуэле, а до этого – к Сирии, где используется весь спектр силовых инструментов для смены правящей элиты. Принципиально от этой политики не отличается и политика США по отношению к России, где «доля» собственно военных средств (помощь Украине, поддержка террористов и пр.) пока что используется ограниченно. Можно, таким образом, выделить, как минимум, 4 основных группы стран, по отношению к которым проводится достаточно дифференцированная политика «силового принуждения» западной коалиции в «переходный период», которую можно разделить по использованию средств силового принуждения:

– первая группа – союзники и партнёры США, входящие в их военно-политическую коалицию, в отношении которых активно применяются политико-дипломатические, экономические и информационные средства силового принуждения, которые отнюдь не гарантируют от использования военного

силового принуждения. Так, в отношении Германии показательны меры политического и финансово-экономического силового давления с целью заставить отказаться от продолжения реализации газопровода «Северный поток-2». Но не известны возможные меры военного давления, которые могут быть использовать США, например, в соответствии с секретными договорённостями или даже без оных, просто потому, что на территории Германии размещены военные базы, которые не подконтрольны национальному правительству (как это было в Турции);

– вторая группа – страны, не входящие в коалицию, по отношению к которым США используют открыто силовые меры принуждения, не останавливаясь в том числе и перед военными угрозами и действиями. В реальности, однако, в отношении этих государств вполне хватает политико-дипломатических и информационно-когнитивных средств давления из-за их неспособности оказать активное противодействие. В тех же случаях, когда таких средств оказывается недостаточно, США прибегают к интервенциям. Примеров – более чем достаточно, в том числе и не всегда для США удачных. Так, весьма спорные последствия силовых инструменты давления имели для политики Ирана, КНДР, Кубы и целого ряда других стран, включая Венесуэлу;

– третья группа государств, – государства, пытающиеся публично или имплицитно противодействовать политике США. По отношению к этим странам не только допускаются, но и предполагается применение военно-силовых средств, включая и ОМУ. Более того, готовность использовать военную силу демонстрируется открыто, в том числе и для обеспечения более эффективного применения экономических и информационных средств¹³. Проблема состоит, однако, в

¹² Прежде всего, в качестве силовых средств политики используются такие силовые не военные средства, как экономические и торговые санкции. См. подробнее: *Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // *Обозреватель*, 2018. – № 11. – С. 7–9, а также: *Обозреватель*, 2018. – № 12. – С. 8–28.

¹³ *Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // *Обозреватель*, 2018. – № 11. – С. 7–9, а также: *Обозреватель*, 2018, № 12. – С. 8–28.

том, что политические и военные риски, которые могут стать следствием такой политики, всегда и неизбежно высоки. Прямая агрессия, даже если она изначально и удачно осуществлена (как в Гренаде, Ираке или Афганистане), должна закончиться политическими решениями, которые далеко не всегда скореллированы с применённой военной силой.

Таким образом, можно сделать несколько выводов относительно особенностей использования военной силы в «переходный период»:

1. Военная сила не является универсальным средством политики, которое пригодно для любых политических целей;

2. Военная сила является составной частью политики «силового принуждения» и обеспечивает эффективность применения невоенных инструментов политики;

3. Военная сила не может решать конечные политические задачи;

4. Военная сила несёт неизбежные политические, военные и иные риски и издержки.

Наконец, главный вывод, который следует из этих рассуждений: *в конечном счёте, более эффективными и результативными, а также менее рискованными, являются не военные меры силового воздействия, среди которых исключительно важную роль в «переходный период» стали выполнять информационно-когнитивные средства, которые представляют собой самый широкий спектр информационных, образовательных, культурных и иных средств и лиц, институтов и организаций, направленных на формирование необходимых систем ценностей, принципов, норм и правил.*

Но не только. Информационно-когнитивные средства влияния меняют политическую, социальную и даже правовую основы общества, превращая их в удобный для противника субъект или актор, как правило, не способный сохранить свой суверенитет и идентичность. Так, разрушение православия на Украине, запрет на использование рус-

ского языка, ограничения в культурно-просветительской деятельности, образовании, традициях (включая семейные уклады) означает трансформацию общества, нации и государства в подчинённый внешнему влиянию актор.

Используя терминологию XX века, можно говорить о том, что это идеологические и воспитательные средства, формирующие у нации определённую социально-политическую и культурно-историческую идентификацию. Во внешней политике эти универсальные средства имеют стратегическое значение, ибо они предназначены:

- для достижения конечных политических целей (смены правящих элит, их принуждению), разрушению суверенитета и идентичности;
- являющиеся универсальными по отношению к любой группе государств;
- несущие минимальные политические и военные риски и экономические издержки.

При этом важно подчеркнуть: независимо от того, в какую группу входит тот или иной субъект МО или иной актор, а также какие силовые средства используются против него, изначально планируется использование всех возможностей и способов (включая военные) в единой системе политики силового принуждения, но приоритет будет всегда отдаваться информационно-когнитивным средствам влияния. Во втором десятилетии XXI в., а именно в «переходный период» 2010–2025 гг., в политике государств западной военно-политической коалиции произошла смена политических и доктринальных установок, которая в целом крайне негативно отразилась на состоянии стратегической стабильности и эволюции ВПО в мире.

Фактически началась эскалация военных приготовлений как в области создания качественно новых ВВСТ, так и в области военного искусства, где на всех уровнях вёлся поиск новых способов применения вооружённого насилия. Директор Центра Карнеги в Москве Д. Тренин следующим образом описал эту смену доктринальных установок: «Оче-

видно, что развитие технологий ведёт к изменениям военно-доктринального характера. Президент Путин заявил об ответно-встречном ядерном ударе как об основной стратегии применения ядерного оружия РФ. В отличие от ответного удара, который наносится после того, как ядерные заряды противника уже достигли территории государства, такая стратегия несёт в себе риск, поскольку не даёт полной гарантии от ошибки» [Тренин, 2019].

Странно было бы ожидать, пока твои объекты будут уничтожены и только после этого отвечать (да и кому и чем придётся отвечать в этом случае?). Военная доктрина России, измененная в 2014 г. «в связи с новыми военными угрозами», в отличие от американской, предусматривает не десятки, а только два условия, при которых будет нанесён ответно-встречный удар¹⁴.

Но подобная смена акцентов России привела к тому, что в странах НАТО стала преобладать точка зрения, согласно которой Россия в последние годы приняла так называемую стратегию «эскалации для деэскалации», то есть первого применения ядерного оружия с целью завершения военного конфликта на выгодных или приемлемых для себя условиях», – продолжает Д. Тренин [Тренин, 2019]. В России такую интерпретацию называют неверной, отмечая, что исторически никогда и нигде не делали ставку на ведение ограниченных ядерных войн.

Совсем другое дело США, где в «переходный период» просматривается отчётливое стремление создать потенциал по ведению ограниченных войн. Упор делается как на развёртывании большого числа ВТО, прежде всего КР и аэробаллистических ракет, создании эшелонированной системы ПРО, а также огромного спектра возможностей по внутривнутриполитической дестабилизации государств. Суть политики Запада в «переходный период» заключается в сочетании средств силового принуждения по внутренней де-

стабилизации и внешних военных угроз. Иногда этот подход называли «Стратегией «Троянского коня», о которой достаточно определённо высказался 2 марта 2019 года НГШ ВС России В. Герасимов как о стратегии уничтожения России.

Действительно, применение ВТО и тактического ядерного оружия открывает возможность для неконтролируемой эскалации. Кроме того, в отличие от США, отделённых от возможных театров войны океанами, ограниченная война с применением ядерного оружия велась бы вблизи от российских границ или на российской территории. Тем не менее, ещё в начале 1990-х гг. Россия отказалась от декларативного обязательства Советского Союза не применять ядерное оружие первой.

В военной доктрине РФ указывается, что ядерное оружие может быть применено, если страна подвергнется ядерному нападению, либо если под угрозой окажется существование государства. Именно такое разъяснение даётся в Военной доктрине России, причём периодически представители России (как это сделал посол РФ в США А. Антонов в марте 2019 г.) вынуждены повторять этот тезис.

Это положение появилось в доктрине, когда обычные вооружённые силы России были существенно ослаблены и ядерная мощь виделась единственным гарантом военной безопасности страны. Возникает, однако, вопрос: что именно считать угрозой для существования государства? Будет ли считаться такой угрозой, например, локальное военное поражение, ведущее, возможно, к падению существующей власти, но не угрожающее жизни подавляющего большинства граждан страны? Можно предположить, что ни одна из трёх крупных держав не смирится с унижительным поражением в конфликте с использованием только обычного оружия.

Применение ядерного оружия первым в ходе уже начавшегося локального

¹⁴ Путин В.В. Указ Президента России № 815 от 25 декабря 2014 г. «О признании утратившими силу документа «О военной доктрине Российской Федерации» от 2010 года.

или регионального конфликта с целью его деэскалации на выгодных или приемлемых для себя условиях является стержневым элементом политики сдерживания [Summary of the 2018: 3-11]. Если перед военными США стоит вопрос, как защитить союзников и одержать победу над противником, обладающим ядерным оружием, то для руководства России актуальна другая проблема: нивелирование огромного превосходства в обычных вооружениях, которым обладают США.

Необходимо учитывать также возможность использования ядерного оружия в ходе локальных/региональных конфликтов за пределами треугольника США – Китай – Россия. В этом последнем случае, вероятно, крупные державы постараются остановить конфликт, угрожающий последствиями остальному миру¹⁵. Таким образом, в «переходный период» уже произошли радикальные изменения в процессах формирования МО и ВПО, которые можно свести к следующим базовым тенденциям:

- фактическому появлению сразу нескольких центров силы и противоборствующих субъектов МО-ВПО и десятков относительно самостоятельных субъектов и акторов;

- появление качественно новых видов и систем ВВСТ, изменивших характер войны, прежде всего, с точки зрения разработки многочисленных концепций его применения;

- изменение военно-политических установок, стратегий и способов ведения политики вообще и военной политики, в частности, нацеленных на достижение радикальных и бескомпромиссных политических целей, включая ликвидацию суверенитетов государств и разрушение их национальной идентичности;

- ослабление ощущения реальной опасности войны, «привыкание» к ней и игнорирование угроз в общественно-политическом сознании. В результате резко усилилась агрессивность не только деклараций, но и реального поведения

субъектов МО, их бескомпромиссность и готовность идти на радикальные шаги.

Главным итогом этой части «переходного периода» стал возврат к политике силы, где инструменты насилия в разной форме используются системно и комплексно. Конечная политическая цель такого влияния – создание и подконтрольного субъекта и нации, лишённых суверенитета и идентичности, своих систем ценностей. Как одно из важнейших последствий такой эволюции в течение «переходного периода» уже ко второму десятилетию нового века обнаруживается, что произошло очень резкое усиление значения информационно-когнитивных силовых средств, включая военных.

За последние 30–40 лет функции СМИ изменились кардинально: из средств информации они превратились в средства формирования общественного сознания, которое должно обладать заранее заданными свойствами. Прежние функции отошли на второй и даже третий план, поэтому и относиться к СМИ надо как к политическим и радикальным инструментам.

В современных войнах, которые принято именовать «гибридными», государства используют самый широкий набор средств и методов [Summary of the 2018:3-11]. В арсенале США, например, присутствуют все самые современные электронные технологии и средства телевизионного вещания (в том числе функционирующие в сети Интернет). Стратегия реализации принадлежит Broadcasting Board of Governors (BBG – Агентству международного вещания), которое для информационно-когнитивного противоборства использует два достаточно эффективных способа:

- 1) критикует общественное развитие другого государства;

- 2) обращается к дискуссионным моментам истории.

Вышеперечисленные способы в своей работе применяют такие СМИ, как «Голос Америки», «Радио Свободная Европа» /

¹⁵ Тренин Д. Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Центр Карнеги. – М.: 13 марта 2019 / www.carnegy.ru/2019/03/13.

«Радио Свобода» и другие [Мальчикова, 2018]. ВВГ для реализации проектов публичной дипломатии не поддерживает напрямую местные неправительственные организации, а предоставляет гранты различным благотворительным фондам. В числе наиболее крупных американских благотворительных фондов необходимо указать такие полуправительственные организации, как:

- Национальный фонд в поддержку демократии (NED);
- Национальный демократический институт (NDI);
- Международный республиканский институт (IRI), деятельность которых признана нежелательной на территории России¹⁶.

Программы Агентства международного развития США (USAID) сыграли значительную роль в подготовке и осуществлении «цветных» революций: в 2003 г. в Грузии, в 2004 г. – на Украине, а также «Арабской весны» в мусульманских странах. Наибольшую значимость приобретает отдел по Ближнему Востоку, который реализовывал программу Middle East Partnership Initiative (MEPI), включающую в себя более 300 проектов публичной дипломатии по культуре, образованию и информации. В отчёте USAID от 2004 г., например, откровенно сказано, что программы реализуются для:

- изменения политического строя путём создания партий, подготовки альтернативных политиков, формировании демократически настроенной молодёжи;
- улучшения экономической ситуации путём создания слоя бизнесменов, получивших западное образование;
- реформирования системы образования посредством расширения доступа женщин к образованию, обеспечения школ и университетов американскими учебниками.

В «переходный период» деятельность ВВГ вышла на качественно новый уро-

вень – широкий охват информационной сети Интернет. На этом уровне создавалось глобальное движение для мобилизации при проведении протестных акций и движений. Активисты получали через различные НПО, финансируемые из Вашингтона, программное обеспечение, которое позволяло скрывать интернет-трафик и кодировать сообщения, что значительно затрудняло работу государственных органов ближневосточных стран. Описанные приёмы и инструменты были использованы в ходе событий «Арабской весны» и продемонстрировали свою высокую эффективность [Мальчикова, 2018].

В начавшихся волнениях 2017 г. в социальных сетях начали публиковаться записи с расписанием и местом проведения протестных акций, также активно распространились хэштеги в поддержку «персидской весны» как на английском языке (например, #IranProtests, #nationwide_riots, #FreeIran), так и на фарси. Свой вклад в популяризацию антиправительственных лозунгов внёс президент США Дональд Трамп, который опубликовал в Twitter несколько записей, где призвал иранское общество избавиться от «репрессивного» режима. Несмотря на то, что Facebook, YouTube и Twitter были запрещены в Иране с 2009 г., протестующие активно пользовались технологиями, позволяющими обходить ограничения в доступе к сайтам.

В отчёте за 2012 г. сказано, что ВВГ финансировал создание подобных технологий, в том числе программного обеспечения Tor, которое позволяет иранским пользователям Интернета сохранять в тайне свое местоположение и отправлять закодированные сообщения. Всё вышеперечисленное свидетельствует о том, что программы публичной дипломатии, реализованные с помощью сети Интернет, способствовали развитию протестного движения в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

¹⁶ Национальный Демократический Институт Международных Отношений (National Democratic Institute for International Affairs) // Министерство юстиции РФ, 2016. 17 марта. URL: <http://minjust.ru/ru/node/237699> (дата обращения 01.01.2018).

Интересно, что в законопроекте S.1780, который подписан Президентом США, также есть раздел о противодействии «русскому влиянию и агрессии». Sec. 7070 (a) гласит, что никакие средства, ассигнованные настоящим Законом, не могут быть предоставлены для оказания помощи центральному правительству РФ. Логика этих законопроектов была продолжена в 2018–2019 годах, когда на те же цели было выделено более 500 млн. долл. Ожидается, что до 2024 года, то есть в «переходный период», финансируемость возрастёт ещё существеннее и к нему будут подключены союзники США по коалиции из негосударственных источников.

Так, на сайте Агентства международного развития США представлена интерактивная карта, где можно посмотреть финансирование определённых программ по странам. Из представленных сведений видно, что Госдепартамент вкладывает значительные средства в деятельность Национального фонда поддержки демократии для неспециализированных НПО, где общая сумма вложений на российские проекты в 2016 г. составляла \$17,195 млн.¹⁷

Принятый Федеральный закон № 327 – лишь продолжение мер по ограничению распространения влияния Запада, который старается использовать все ресурсы для повторения событий «Арабской весны» только уже на территории Российской Федерации. Поэтому Вашингтон выделяет огромные средства для ведения подрывной деятельности в СМИ, которая стала особенно интенсивной в преддверии президентских выборов в России. В первую очередь следует обратить внимание на гранты, выделяемые Западом для «укрепления демократии», особенно на проекты, финансируемые гражданином Соросом, ко-

торый выделил под российские выборы абсолютно рекордную грантовую сумму в размере \$18 млрд.¹⁸

Важно особо подчеркнуть, что эта политика направлена не только на идеологические, информационно-когнитивные области, но и на формирование экстремистских и террористических групп в России. По сути дела, это известно ещё с последних лет существования СССР, когда были созданы сотни экстремистских организаций, ставших реальной силой по развалу СССР. В последующие годы эта «гуманитарная политика» продолжалась. В августе 2018 г., например, в Чечне несколько молодых людей совершили заранее бессмысленное нападение на полицейских, в результате которого они погибли.

Расследование показало, что глава Чеченской республики Рамзан Кадыров считал: группа подростков, напавших на полицейских, получила приказ из-за границы через социальные сети. Об этом он написал на своей странице в «ВКонтакте». По его словам, в этом сейчас нет никаких сомнений. Глава Чечни считает, что цель организаторов преступления – расколоть российское общество. «Привлечение юнцов с неокрепшей психикой к совершению тяжких преступлений носит глубоко продуманный и целенаправленный характер», – подчеркнул Кадыров. Он добавил, что у вербовщиков была цель вызвать в российском обществе недоверие даже к подросткам, «чтобы в каждом ребенке 10–12 лет видели потенциального террориста и особо опасного преступника»¹⁹.

По мнению Рамзана Кадырова, боевики стремились «создать видимость наличия каких-либо сил, способных организовать вооружённые акции и теракты» в Чечне. «Нет никаких сомнений в том, что мозги молодым людям заморочили

¹⁷ USAID. URL: <https://explorer.usaid.gov/> (дата обращения 01.01.2018).

¹⁸ Сорос перевёл \$18 млрд. в фонд по продвижению демократии «Открытое общество» // Russia Today. 2017. 18 октября / URL: <https://russian.rt.com/world/news/440672-soros-fond-dengi> (дата обращения 01.01.2018).

¹⁹ Эксперт по безопасности: социальные сети – это оружие / Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / www.viperson.ru. 24.08.2018.

по соцсетям различные там иблосовцы (сторонники террористической группировки «Исламское государство» – А.П.). Но картина дня свидетельствует о том, что никакой поддержки, никакой социальной базы у них в республике нет. Об отсутствии у «хозяев» даже признаков стыда и совести свидетельствует тот факт, что они привлекают подростков с неокрепшей психикой»²⁰, – заявил Кадыров.

Это мнение руководителя Чечни стало по сути уже общим местом в оценке роли социальных сетей. Эксперт в области безопасности Александр Власов считает, например, что «социальные сети – это огромный и очень сильный фактор влияния. Его даже можно рассматривать в определённой степени как некое оружие социальной инженерии. Мы все помним пример «арабской весны», когда призывы выйти на площадь отдавались именно через соцсети. Поэтому исключать такой вариант развития событий нельзя. Для борьбы с этим есть законодательство, есть огромные полномочия у Роскомнадзора, много инициативных и патриотично настроенных пользователей интернета – все должны делать одно дело, выявлять такие группы или тех, кто занимается рассылкой такой информации и блокировать её. Другого способа нет»²¹, – сказал Александр Власов.

Уже коротко говорилось, что среди политических приоритетов Запада в начале нового века произошёл сдвиг от собственно политических целей в направлении усиления влияния на правящие элиты и системы национальных ценностей. Это стало стратегическим сдвигом в политике западной военно-политической коалиции, немедленно отразившемся на средствах и способах системного и комплексного воздействия на своих политических оппонентов,

среди которых исключительно важную роль стали выполнять социальные СМИ и сетевые ресурсы. Так, известный портал «Википедия», например, сегодня задаёт тон не только в фактологической подаче материала, но и в его интерпретации, более того, понятийном аппарате и трактовке тех или иных исторических, культурных и иных событий, которые самым фундаментальным образом влияют на формирование системы ценностей нации.

Кроме того, изменение целей внешней политики западной военно-политической коалиции в сторону их резкой радикализации неизбежно привело к корректировке в средствах их достижения, которые стали относиться не только к военным, но и не военным, силовым, инструментам политики. Это видно на примере массовых политических, дипломатических, но, прежде всего, информационных провокаций, которые стали использоваться Западом скоординировано практически в ежедневном режиме. По очевидному согласованию ежедневно в информационное пространство вбрасывается очередной «информповод» интернет-ресурсами самых разных стран, среди которых особенную активность проявляют США, Великобритания и финансируемые ими интернет-ресурсы Польши, Украины и некоторых других государств.

Политика «силового принуждения» предполагает, что очень важное значение приобретают средства массовой информации, связи и особенно сетевые СМИ. Именно они способны очень быстро изменить не только политику правящей элиты, но и симпатии общественности²². Настолько быстро, что можно говорить о сознательном формировании общественно-политических настроений и сценариев развития МО в достаточно

²⁰ Эксперт по безопасности: социальные сети – это оружие / Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / www.viperson.com. 24.08.2018.

²¹ Эксперт по безопасности: социальные сети – это оружие / Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / www.viperson.com. 24.08.2018.

²² Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России / Информационно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018. – № 4 (339). – С. 22–25.

короткие сроки [Summary of the 2018:3-11]. Можно привести в этой связи достаточно развёрнутую цитату из аналитического прогноза Национального Совета по разведке США, которая описывает «парадокс развития» человечества, когда силовые инструменты в политике начинают играть всё более важную роль²³.

Развивая эту мысль, эксперты НРС подчёркивают, что, с одной стороны, наблюдается процесс объединения различных групп людей, расширение их прав и возможностей, повышение уровня жизни. Однако этот же прогресс вызывает такие потрясения, как мировой финансовый кризис 2008 г., арабская весна, глобальный рост популистской политики. Эти потрясения демонстрируют всю хрупкость достижений прогресса и в то же время подчёркивают необходимость глубоких изменений в картине мира, что предсказывает непростое будущее.

По мнению авторов Прогноза, следующие пять лет будут отмечены усилением напряжения как внутри ряда стран, так и между ними. Мировой рост замедлится, одновременно сложные глобальные проблемы станут более реальными. Постоянно растущее число государств, организаций и наделённых властью индивидуумов (акторов) будет определять общее состояние геополитики. Развитие мировых процессов свидетельствует об окончании эпохи доминирования Америки. Вероятно, то же самое произойдёт с мировым порядком, основанным на правовых нормах, которые сложились после Второй мировой войны. Станет гораздо труднее осуществлять международное сотрудничество и управлять странами в соответствии с ожиданиями их народов. Государства, наделённые правом вето, будут всё чаще угрожать «запретом сотрудничества», а информационные органы станут поддерживать бесконечное множество противоречивых явлений

действительности, подрывая общее понимание мировых событий.

Основу этого этапа мирового кризиса, как считают эксперты НРС, составят различия подходов на местном, национальном и международном уровнях в вопросах «правильного понимания роли» правительств в решении проблем от экономики до экологии, религии, безопасности и прав человека. Споры о моральных ценностях, «кто кому и чем обязан», станут всё более явными и будут угрожать международной безопасности.

Хотя «материальная сила», по мнению экспертов НРС, сохранит своё важное значение в решении вопросов на геополитическом и государственном уровнях, наиболее влиятельные акторы, в целях как конкурентной борьбы, так и кооперации будут делать акцент на сетевую и информационную сферы.

Недавно в обиход было введено название «Поколение Y», который используется социологами для описания молодых людей, родившихся после 1980 г. и для которых Интернет стал неотъемлемой частью жизни. Для них также существуют синонимы «поколение net» и «поколение C». Последний ярлык предложили специалисты компании Booz & Company, занимающиеся вопросами стратегии и технологической трансформации (на английском языке ряд слов, характеризующих новый тип людей, начинается с буквы «C» – connected, communicating, content-centric, computerized, community-oriented, clicking)²⁴.

В их исследовании «Появление поколения C» указывается, что эти люди, как правило, родились в 1990 г., а к 2020 г. будут составлять 40% населения в странах Европы, США, БРИКС и 10% в остальных странах. Они образуют самую большую в мире группу потребителей. Это будет первое поколение, которое не знает иной реальности, кроме той, что представлена

²³ Грубин Н.П. Будущее глазами американской разведки. Аналитический обзор доклада национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса». – М.: МГИМО-Университет, ИМИ. – Вып. № 2 (48). – С. 9.

²⁴ Friedrich R., Michael Peterson M., Koster A. The Rise of Generation C. Implications for the world of 2020 / http://www.strategyand.pwc.com/media/file/Strategyand_Rise-of-Generation-C.pdf.

в Интернете, мобильных устройствах и социальных сетях. Они хорошо знакомы с технологиями, постоянно используют различные сервисы для коммуникации, в работе с мобильным телефоном чаще применяют текстовые сообщения, а не голос. Это новое «поколение С», полагают исследователи Booz & Company, создаст жизненный цикл, который поможет стимулировать экономический рост [Публичная дипломатия..., 2017:36-53].

По этим расчётам, взаимосвязь технологий и социальных сетей породит общество нового формата, отличное от традиционных социальных связей (семья, друзья, коллеги по работе и т.д.). Новое общество, расширив (или исказив) традиционные социальные отношения, вберёт знакомых, онлайн-собеседников, анонимов из групп по интересам. Этот тип общественного объединения условно назван «социальное животное 2.0». Авторы концепции предрекают в скором времени увеличение политического и экономического давления на индивида, расширение доступа к личной информации людей – их счетов, деталей о платежах и покупках, предпочтений, интересов, членствах и т.д. При этом зависимость от цифровых технологий у старших поколений также будет возрастать.

Социальная виртуализация будет проходить повсеместно. Интернет также станет децентрализованным. Традиционные порталы уйдут в прошлое. Интернет-сервисы будут динамично переконфигурироваться, исходя из предпочтений потребителей. Центром бытия человека станет цифровая идентичность, структурирующая сферы работы и досуга, включающие в себя труд, дом, развлечения, коммуникации, шопинг, передвижения, заботу о здоровье и т.п. Эти сферы будут обволакивать кольцо «приспособлений» – технических устройств, необходимых для связи, а над ним находится еще один концентрический круг

под названием «подключение». Таким образом, индивид будет находиться во «всегда подключенном мире»²⁵.

Пока это не является данностью, но в той или иной форме может проявляться в различных сферах жизни, в том числе в политическом управлении и предпринимательстве²⁶. Особенно важны, на наш взгляд два фактора, отмеченные в докладе, которые могут быть применимы в сетевом государственном управлении:

– *первый* – это социальная виртуализация. Поскольку подключение, социальные сети, а также отношение к личной свободе будут проникать дальше, проходя сквозь стены корпораций и государственных служб, то и жизнь чиновников и служащих будет сдвигаться от традиционной иерархической структуры. Вместо этого работники, смешивая бизнес и личные дела в течение дня, будут «самоорганизовываться» в живые «сообщества по интересам». К 2020 г. более половины сотрудников крупных корпораций будет работать в виртуальных проектных группах;

– *второй* – это *цифровое предпринимательство*. Опытные и инновационные цифровые предприниматели появятся во всем развивающемся мире в огромных количествах. Рост этих предпринимателей представляет собой потенциал, который значительно нарушит традиционные западные бизнес-модели. И них есть так называемая «высоко подключенная аудитория», которая может извлечь выгоду из своих новых идей. В городах Китая, например, 76% людей уже постоянно находятся в сети, а 61% имеют широкополосный Интернет у себя дома. Западные страны в настоящее время лидируют всего в отношении двух критических онлайн-услуг – электронной коммерции (Германия) и Интернет-рекламы (Великобритания), в то время как незападные страны идут впереди в ряде других направлений:

²⁵ Савин Л. Теория хаоса и стратегическое мышление // Фонд стратегической культуры, 23.03.2011 / <http://www.fondsk.ru/news/2011/03/23/teorija-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie-2513.html>

²⁶ См. также: Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. – № 3. – С. 40–41.

- широкополосный Интернет (Южная Корея);
- социальные сети (Бразилия);
- онлайн-игры (Китай);
- мобильные платежи (Япония);
- микротранзакции через SMS (Филиппины).

Россия также могла бы извлечь определённые уроки из данных подходов, чтобы реализоваться в сфере различных проектов регионального и федерального значения.

Три информационные и коммуникационные технологии лежат в основе взрыва «социальной паутины»²⁷:

- мобильные коммуникации – расширение доступа в Интернет с помощью нового поколения мобильных телефонов и карманных компьютеров;
- социальные медиа – которые позволяют людям легко загружать свой собственный контент (текст, фото, видео), искать (и обсуждать) содержание контента, сгенерированного другими;
- социальные сети онлайн – которые дают людям возможность поддерживать и расширять свои личные и профессиональные сети, а также облегчать поток информации через эти сети.

Эти три технологии по-новому и вместе расширяют возможности, изначально предусмотренные для веб-коммуникаций и связей между людьми, идеями и институтами. Они позволили обществу начать экспериментировать с поворотом когнитивных излишков в нечто хорошее для себя и своих общин²⁸. Все чаще обычные люди получают доступ к платформам, позволяющим им изменить статус-кво²⁹ и представить, как может действовать неиерархическое партиципаторное правительство.

Эта тенденция «форматирования» сознания (как показал опыт Украины) особенно опасна в любой «переходный период», когда происходит смена основных парадигм (как это может произойти в некоторых областях в 2021–2023 гг.) потому, что внутривластная стабильность, как правило, в этот период минимальна. Достаточно вспомнить всего лишь 1989–1991 гг. в СССР.

Перечень и приоритетность основных объектов обеспечения национальной безопасности имеет ключевое значение потому, что в зависимости от этого не только распределяются необходимые ресурсы, но и формируются в конечном счёте вся стратегия национальной безопасности. Более того, представление правящей элиты, общества и всей нации о приоритетах развития и способах обеспечения их защиты³⁰.

В США, например, существует чёткая приоритетность, закреплённая нормативно в Стратегии национальной безопасности страны, в соответствии с которой существует иерархия: «национальные интересы» определяют «интересы безопасности», а те, в свою очередь, «военные интересы»³¹. Причём эта последовательность и перечень чётко зафиксированы в основных документах и тесно взаимосвязаны между собой [Summary of the 2018:3-11]. Так, в Военной стратегии США этот перечень конкретизируется до трёх основных военных задач:

- сдерживание и поражение нападающих;
- разрушение и уничтожение экстремистских организаций;
- укрепление глобальной сети союзников и партнёров³².

²⁷ Willard T. Social Networking and Governance for Sustainable Development, International Institute for Sustainable Development, March 2009.

²⁸ Shirky C. Gin, Television, and Social Surplus. April 2008 / <http://www.shirky.com/herecomeseverybody/2008/04/looking-for-the-mouse.html>

²⁹ Godin S. Spark: Whoppers, Ethical Marketing, and Leadership 2.0. N. Young, Interviewer. 2009, January 21 CBC / http://podcast.cbc.ca/spark/spark_20080115_sethgodin.mp3.

³⁰ Подберёзкин А.И., Жуков А. Факторы безопасности для российской нации, государства и общества // Обозреватель-Observer, 2017. – № 9. – С. 24–27.

³¹ The National Security Strategy. – Wash. 2015. 15 February. – P. 2.

³² The National Military Strategy of the United States of America 2015. – Wash. 2015. June. – P. 5.

В политической практике России такого деления пока что не существует. Перечень и приоритеты, определённые в Стратегии национальной безопасности, не делятся по категориям «интересы», «интересы безопасности» и «военные интересы», а существуют в едином перечне, сформулированы, по сути, в одном абзаце. Так, если согласиться с приоритетностью и использовать перечень объектов, имеющих приоритетное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, данный в последней редакции Указа Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», то их можно выстроить в следующем порядке:

- защита конституционного строя; – суверенитета;
- государственной и территориальной целостности;
- основных прав и свобод человека;
- сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе; – защита от природных и техногенных катастроф [Путин, 2015].

Вряд ли подобный перечень и предлагаемая приоритетность являются точным и реальным отражением интересов безопасности России. Это имеет прямое отношение к средствам их защиты, включая информационные средства и социальные сети, рассматриваемым в данной работе. Даже оставляя за скобками вопрос о приоритетности той или иной политической цели (требующей специального отношения), можно изначально констатировать (обладая минимальной информацией о возможностях социальных сетей), что с точки зрения эффективности политического и военно-силового использования социальных сетей все эти объекты представляются идеальными мишенями для воздействия. Прежде всего, как:

- потенциальные риски, опасности и угрозы (враждебная деятельность

в социальных сетях, ведущаяся активно все последние годы, не рассматривается как военная);

- и возможные материальные затраты и время, необходимые для решения поставленной задачи (ресурсы для организации и поддержки деятельности в Сети ни в коей мере не могут сравниваться с реальными физическими операциями).

Иными словами, с точки зрения нанесения ущерба безопасности государства, нации, личности и общества эти объекты являются идеальными целями для возможного нападения противника с помощью новейших средств интернет-технологий, прежде всего социальных сетей и других Web 2.0-технологий³³. Такой подход основан на подавляющем преимуществе США в области интернет-технологий и СМИ. В специальном исследовании корпорации Rand «Стратегия принуждения» (2016 г.) подчёркивается, например, что среди преимуществ США, которые могут обеспечить им возможности проведения политики принуждения, особое место занимают «семь крупнейших медиакомпаний и 95% мировой медиасобственности» [Gompert, 2016].

Однако вопрос о приоритетности и перечне объектов безопасности, казалось бы, решённый в Стратегии безопасности России, на наш взгляд, таковым отнюдь не является. Как и вопрос о перечне основных объектов национальной безопасности, требующих защиты и, соответственно, угрожающих им средств и способов нападения. Это означает, что прежде, чем рассматривать угрозы, необходимо определиться с тем, против чего эти угрозы создаются. В этих условиях значение массового и целенаправленного использования СМИ (особенно сетевых) крайне дестабилизирует ситуацию и может радикально повлиять на развитие того или иного сценария МО. Так, если о Турции как о враге в 2015 г. думало не более 1% граждан РФ, то

³³ Под термином Web 2.0 автор концепции Т. О'Рейли понимал интернет-платформы, объединяющие пользователей на базе интерактивного взаимодействия (*О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 / пер. с англ. // Компьютерра. 2005. 11 октября*).

в 2016 г. – уже 29%; если в 2009 г. за членство в ЕС выступало 53%, то в 2016 г. – только 24%.

Эта стремительная динамика свидетельствует об огромных возможностях управлять общественными настроениями и даже симпатиями элиты, которые есть у новой публичной дипломатии³⁴.

С точки зрения возможностей новой публичной дипломатии это означает, что их резкое увеличение к 2021 г. позволит манипулировать общественным сознанием и превратит СМИ (особенно сетевые) в чрезвычайно эффективное, если ни решающее оружие. Эта тенденция может в ещё большей степени обостриться, если массовое использование получат новые сетевые (прежде всего веб 2.0 и веб 3.0) технологии и системы связи, которые сделают сетевую войну с помощью СМИ реальностью.

Будущее российской ЛЧЦ среди других ЛЧЦ, особенно в Евразии, где им противостоят западная ЛЧЦ, как уже говорилось выше, зависит во многом от темпов развития национального человеческого капитала (НЧК). Здесь по количественному показателю наша цивилизация существенно уступает западной, исламской, китайской и индийской. Поэтому вопрос о развитии (количественно и качественно) НЧК российской ЛЧЦ – это уже вопрос не соревнования, а её сохранения и выживания³⁵. Кстати, именно такое значение НЧК придают на Западе, где в выступлении итальянского премьер-министра на санкт-петербургском экономическом форуме в июне 2016 г. тот заявил о своём главном достижении – втором месте по продолжительности жизни граждан Италии.

Качество и количество НЧК во многом обеспечивают сохранение национальной

идентичности, которая станет главным объектом борьбы между ЛЧЦ в XXI веке. Как справедливо писал С. Хантингтон, «идентичность на уровне цивилизаций будет становиться всё более важной, а облик мира в значительной мере будет формироваться в ходе взаимодействия семи–восьми крупных цивилизаций», к которым он относил западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и, возможно, африканскую³⁶.

Смещение акцентов влияния в формировании МО в XXI веке от наций-государств к ЛЧЦ неизбежно ставит вопрос о том, какое место и какую роль мы сами отводим уже не только России, «русскому миру», но и всей российской ЛЧЦ и близким нам нациям в этом процессе. Тем более, что не только основоположники цивилизационного подхода – Н. Данилевский, А. Тойнби, – но и наши современные авторы относят Россию и русскую ЛЧЦ к основным типам ЛЧЦ, отделяя её как от западной ЛЧЦ, так и других ЛЧЦ³⁷.

Развитие этой глобальной тенденции в XXI веке, таким образом, неизбежно ставит вопрос перед Россией о её месте в новом мироустройстве, более того, о месте всего русского мира и российской локальной цивилизации. В этой связи необходимо выделить несколько самых общих положений, которые могут помочь нам лучше понять возможное место и роль России в формировании нового мироустройства, исходя из перспектив развития российской ЛЧЦ.

Возникла очевидная взаимосвязь, которую можно описать следующим образом: численность и качество НЧК ведёт к

³⁴ Мухаметшина Е. Основными противниками жители России считают США, Украину и Турцию // Ведомости. 2016. 3 июня.

³⁵ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родинова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военнополитич. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с. – С. 30–31

³⁶ Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

³⁷ Подберёзкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 142–148.

увеличению значения интернета и социальных сетей, что резко увеличивает политическое значение социальных сетей. В свою очередь, такое новое значение социальных сетей превращает их в новый и эффективный политический инструмент, который уже выполняет не только функции СМИ, но и организаторско-политические функции. Тезис В. Ленина о том, что «газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и организатор», справедливый для начала XX века, стал ещё более актуальным для социальных интернет-ресурсов, которые стали постепенно вытеснять даже электронные СМИ. Это создало совершенно новую политическую реальность, в том числе в политике публичной дипломатии³⁸.

Обращает на себя внимание и другая взаимосвязь: темпы развития экономики и общества тесно связаны с развитием интернета и социальных сетей. Из оценки влияния тенденций двух противоположных сценариев развития России – инерционного (пессимистичного) и инновационно-прорывного (оптимистичного) баланс складывается в конечном счёте в пользу последнего. Но чтобы оптимистичный сценарий прогноза воплотился в реальность, как раз и необходимо преодолеть процесс депопуляции, углубляющийся демографический кризис, выровнять этническую структуру государства, уменьшить отток населения из восточных регионов страны и др.

Эти тенденции в демографии развивались параллельно с развитием других тенденций в области информатики и связи, прежде всего, в области развития социальных сетей, которые именно в эти годы в мире и в России стали развиваться опережающими темпами. Сайты социальных сетей можно по праву назвать од-

ним из самых ярких феноменов не только сети Интернет, но и всей общественной и политической жизни за последнее время. За сравнительно небольшой период, начиная с их расцвета в 2003 г., сайты социальных сетей коренным образом изменили процессы коммуникации в Интернете. Охват аудитории, новые формы общения, которые позволяют пользователям легко обмениваться любым, в том числе мультимедийным контентом, и выражать своё отношение к нему при помощи комментариев и функций («нравится», «не нравится», «поделиться»), а также скорость распространения информации привлекли на страницы соцсетей и обычных пользователей, и различные организации. В их числе оказались и многие СМИ³⁹.

Сегодня массовые сообщества на страницах соцсетей стали неотъемлемой частью аудитории современных российских СМИ. Эти сообщества выступают в роли пространства, где происходит непрерывное интерактивное общение между СМИ и аудиторией. Количество подписчиков отдельных сообществ российских средств массовой информации в соцсетях превышает миллионы человек: такие ИА, как «РИА Новости», «Рамблер», «Русские новости», а также многочисленные популярные ресурсы типа «Нэшнл Джографик» дублируются, как правило, в социальных сетях. Некоторые СМИ публикуют в день до 70, а иногда и более постов («Газета.ру» и «Правда.ру», «Российская газета», «Спорт.ру»). Пользователи оставляют в день десятки тысяч комментариев и отметок «like» (нравится) к этим публикациям, тысячи раз используют функцию «share» (поделиться), чтобы оценить материалы, которые СМИ разместили на своих страницах, и оповестить о них своих друзей⁴⁰.

³⁸ Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом контексте цивилизации // Вестник МГИМО-Университет, 2015. – № 6 (45).

³⁹ Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории / Вестник Московского университета. Журналистика, 2016. – Сер. 10. – № 1. – С. 28 / <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/1/rossiyskie-smi-v-sotsialnykh-setyakh-facebook-i-v-vkontakte-analiz-aktivnosti-i-informtsionnykh-pred/>

⁴⁰ См. подробнее: Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Социальные сети как качественно новый фактор системы безопасности России // Вестник МГИМО-Университет, 2016. – № 6 (51).

Анализируя взаимодействие российских СМИ и социальных сетей, исследователь имеет возможность обратиться как к зарубежным учебным пособиям, статьям и публичным выступлениям, так и к публикациям отечественных специалистов. Все они подчёркивают фундаментальный характер изменений, произошедших в результате развития социальных сетей⁴¹. В изученных автором англоязычных источниках говорится, в частности, о значимости «Фэйсбук» (Facebook) и «Твиттер» (Twitter) как источников журналистской информации, так и каналов для её распространения, а также о новых ролях (модератора, менеджера по работе с сообществом, издателя), которые необходимо освоить профессиональному журналисту в связи с их развитием.

Интересны рейтинги «цитируемости» российских СМИ в соцсетях, подготовленные Brand Analytics и Медиалогия. Их объединяет анализ, основанный на широком фактографическом материале, однако в центре внимания находятся не сами публикации СМИ в соцсетях, а количество упоминаний тех или иных изданий и материалов на этих сайтах⁴². В этой связи особенно интересным представляется осмысление феномена взаимодействий российских СМИ с социальными сетями, которое основывалось бы на анализе публикаций, которые СМИ размещают в своих сообществах в соцсетях, а также реакции пользователей на эти публикации. Тем более, что в современ-

ных медиа исследованиях сегодня ещё не создано фундаментальных научных трудов, в которых были бы пристально рассмотрены все аспекты происходящих процессов именно в этом разрезе.

Так, Facebook является крупнейшей мировой социальной сетью по количеству зарегистрированных пользователей, то есть представляет собой самое популярное и масштабное воплощение феномена социальных сетей в мире с количеством зарегистрированных пользователей, превышающим 2 млрд. человек. По данным системы мониторинга Brand Analytics, российская месячная аудитория этой соцсети в ноябре 2014 г. составляла порядка 24 млн. человек.

Однако в России эта соцсеть уступает по популярности «ВКонтакте», которая является наиболее многочисленной по количеству пользователей соцсетью в Российской Федерации. Ежемесячная аудитория этого сайта за тот же период составляла 54,6 млн человек, из них более 65% проживают в России. Также на выбор повлиял тот факт, что именно в этих двух соцсетях российские СМИ имеют наиболее популярные по количеству пользователей сообщества. Более того, в некоторых регионах России в 2015 г. соцсеть «ВКонтакте» превзошла по охвату аудитории такие федеральные телеканалы, как «Первый канал» или «Россия 1», что подчёркивает актуальность изучения взаимодействия российских СМИ с этой социальной сетью.

Список литературы:

Путин В.В.. Указ № 762 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Путин В.В.. Указ № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

⁴¹ Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории // Вестник Московского университета. Журналистика, 2016. – Сер. 10. – № 1. – С. 29 / <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/1/rossiyskie-smi-v-sotsialnykh-setyakh-facebook-i-v-vkontakte-analiz-aktivnosti-i-informtsionnykh-pred/>

⁴² Там же.

Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. – С. 34–44.

Зиновьева Е.С. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов / В монографии: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 54–69.

Мальчикова В. Интерактивное вещание США, как средство ведения «гибридной войны» // Военно-политическая аналитика» / vpoanalytics.com/ 2018/01/16.

Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – С. 30–31.

Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. – М.: МГИМО-Университет. – Т. 3. 2011.

Подберёзкин А.И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2-х т. Том 21. М., МГИМО-Университет, 2017. С. 64–83.

Подберёзкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 17–44.

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол.) и др.]. – М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. – 86 с.

Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 42–46.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. / под ред. А.И. Подберёзкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. – 2015. – С. 112–123.

Тренин Д. Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Центр Карнеги. – М. 13 марта 2019 / www.carnegy.ru/2019/03/13.

Шапошников Б.М. Мозг армии. – М.: Общество сохранения литературного наследия, 2015. – С. 653.

Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce. – Cal., RAND, 2016. – P. 3–41.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. – Wash. Jan. 2018. – P. 3– 11.

Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. – Wash., Jan. 2019. – P. 8– 14.

Об авторе:

Подберёзкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

INFORMATION AND COGNITIVE FORCE «FORMATTING» OF THE RULING ELITE SUBJECTS OF THE MILITARY - POLITICAL SITUATION IN THE «TRANSITION PERIOD»

A.I. Podberezkin

Abstracts. Analysis and forecast for development of possible means of power politics in the transition period until 2024 is of immense importance not only for the military development plans

---

and the future of defense procurement (and therefore the country's military expenditures), but to any conscious changes in the military art. First of all we are talking about the strategy of the states that directly depend on the means of reference as armed and unarmed political power struggle. This is a fundamental position of political and military science well-known for a long time [Shaposhnikov, 2016].

It is also clear that not only currently there are radical changes in the priorities of the use of certain power tools, you have to select the most preferable (least risky, more effective and less costly) force politicians from all existing and constantly updated huge set of tools. But this specificity has been observed before, for example, with the advent of nuclear weapons and their means of delivery, when it became possible to achieve strategic objectives directly without the consistent achievement of tactical results.

Moreover, the choice of the most effective military tools in the era of nuclear weapons was raised repeatedly and it was natural in the USSR and in the West during the last century. And, I would emphasize, not only – and maybe not so much – of the means of armed struggle (AMSE), as of force political leverage in general – economic, informational, political, diplomatic, etc.

But in the modern transition period (2014-2025), these processes have become not only very dynamic, but frankly destabilizing, ignoring previous agreements on compliance with international security and strategic stability, and simple traditional international law and political communication.

Key words: ruling elite, tactics, strategy, means of force policy, the destabilization of international relations, traditional rules of political communication, the “transition period”.

References:

Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiia otnoshenii mezhdu lokal'nymi tsivilizatsiiami v Evrazii: monografiia [Long-term forecasting of the development of relations between local civilizations in Eurasia: monograph] / A.I. Podberезkin et al. Moscow, Publishing house «International relations», 2017. pp. 34-44 (In Russian).

Zinov'eva E.S. Tsifrovaia publichnaia diplomatiia kak instrument uregulirovaniia konfliktov [Digital public diplomacy as a tool for conflict resolution]. *Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika: Nauchnoe izdanie* [Public diplomacy: Theory and practice: Scientific publication] / ed. M. M. Lebedeva. Moscow, Publishing House «Aspect Press», 2017. pp. 54-69 (In Russian).

Mal'chikova V. Interaktivnoe veshchanie SShA, kak sredstvo vedeniia «gibridnoi voiny» [Interactive broadcasting of the USA as a means of conducting «hybrid war»]. *Voenna-politicheskaia analitika - Military-political Analytics*. Available at: <https://vpoanalytics.com/> 2018/01/16 (accessed 10 June 2019) (In Russian).

Mir v KhKhI veke: prognoz razvitiia mezhdunarodnoi obstanovki po stranam i regionam: monografiia [World in the XXI century: forecast of the international situation in countries and regions: monograph] / A.I. Podberезkin, M.I. Alexandrov, O.E. Rodionov, etc.; ed. M.V. Alexandrov, O.E. Rodionov. Moscow, MGIMO University, 2018. pp. 30-31 (In Russian).

Podberезkin A.I. *Natsional'nyi chelovecheskii kapital: v 5 tt. T. 3* [National human capital: in 5 vols. vol.3]. Moscow, MGIMO University, 2011. 848 p. (In Russian).

Podberезkin A.I. *Sovremennaia voennaia politika Rossii: uchebno-metodicheskii kompleks: v 2 tt. Tom 21* [Modern military policy of Russia: educational-methodical complex: in 2 vols. Volume 21]. Moscow, MGIMO University, 2017. pp. 64-83 (In Russian).

Podberезkin A.I., Muntian M.A., Kharkevich M.V. *Dolgosrochnoe prognozirovanie stsenariiev razvitiia voenno-politicheskoi obstanovki: analitich. doklad* [Long-Term forecasting of scenarios of development of military-political situation: analytic. report]. Moscow, MGIMO University, 2014. pp. 17-44 (In Russian).

Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami: analit. doklad [Draft long-term national security strategy of Russia with methodological and methodical comments: analit. report] / A.I. Podberезkin (hands. auth. count), etc. Moscow, MGIMO University, 2016. 86 p. (In Russian).

Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika: nauchnoe izdanie [Public diplomacy: Theory and practice: scientific publication] / ed. M.M. Lebedeva. Moscow, Publishing House «Aspect Press», 2017. pp. 42-46 (In Russian).

Putin V.V. *Ukaz № 762 ot 31 dekabria 2015 g. «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii»* [Decree No. 762 of December 31, 2015 «On the national security Strategy of the Russian Federation»] (In Russian).

Putin V.V. *Ukaz № 646 ot 5 dekabria 2016 g. «Ob utverzhdenii doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii»* [Decree No. 646 of December 5, 2016 «On approval of the doctrine of information security of the Russian Federation»] (In Russian).

Strategicheskoe prognozirovaniie i planirovaniie vneshnei i oboronnoi politiki: monografiia: v 2 tt. T. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniia vneshnei i oboronnoi politiki [Strategic forecasting and planning of foreign and defense policy: monograph: 2 t. T. 1. Theoretical foundations of the system of analysis, forecast and planning of foreign and defense policy] / ed. A.I. Podberezkin. Moscow, MGIMO University, 2015. pp. 112-123 (In Russian).

Trenin D. *Strategicheskaiia stabil'nost' v usloviakh smeny miroporiadka* [Strategic stability in the conditions of world order change]. *Tsentr Karnegi - Carnegie Center*. Moscow, March 13, 2019. Available at: <https://www.carnegy.ru/2019/03/13> (accessed 10 June 2019) (In Russian).

Shaposhnikov B.M. *Mozg armii* [The Brain of the army]. Moscow, Society for The preservation of literary heritage, 2015. 824 p. (In Russian).

Gompert D., Binnendijk H. *The Power to Coerce*. Santa Monica, Calif, RAND, 2016. pp. 3-41.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Wash., Jan. 2018. pp. 3-11.

Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. Wash., Jan. 2019. pp. 8-14.

About the Author:

About the Author

Podberezkin Alexey I – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Military-Political Studies, MGIMO (U), Ministry of Foreign Affairs of Russia.